

Какъ правый и благій, блаженство обречеть,
И сердце поразивъ губительной стрѣлою,
Бальзамъ въ него прольетъ...

Мы слушали... Одинъ улыбкою сомнѣнья
Сократовы слова Себесъ сопровождалъ,—
И, полный вдохновенья,
Учитель продолжалъ:

«Такъ, други! первый лучъ блистательной зарницы,
Летучій ароматъ мастики и цвѣтовъ,
Сліянный голосъ дѣвъ съ гармоніей цѣвницы
И звуки милыхъ словъ —

Ничто не превзойдетъ чистѣйшаго восторга
Страдалицы души, летящей къ небесамъ...
Что жизнь, что смерть, что міръ?—ничто предъ славой Бога;
Удѣлъ нашъ, счастье: тамъ.

Довольно-ль умереть, чтобъ снова возродиться?
Нѣтъ! къ Вышнему предстань съ невинною душой,
Отъ тѣвна и страстей умѣй освободиться
Предъ жизнію другой;

Жизнь въ смерть преобрати: земная жизнь—сраженье,
Смерть—лавръ, земля—огонь, въ который человекъ
Свергаетъ навсегда земное облаченье,
Окончивъ краткій вѣкъ.

Тогда, друзья! тогда, отъ узъ освобожденный,
Приемлетъ онъ уже награду отъ небесъ;
Простеръ крыль, парить, онъ тамъ въ сѣни блаженной—
И міръ предъ нимъ исчезъ!

Такъ, смертный счастливый, покорный вышней власти,
Который суету разсудку подчинилъ,
Который обуздалъ презрительныя страсти,
Законъ и правду чтить,

Который ниспровергъ безсмертія преграду,
Былъ злобы врагъ, дышалъ и жилъ однимъ добромъ,—
Страдалецъ праведный украсится въ награду
Божественнымъ вѣнцомъ.

Но тотъ, кто ложный блескъ обманчивыхъ мечтаній
Священной истинѣ безумно предпочелъ,
Кто, чувственности рабъ, въ юдоли испытаній
Стезей невѣрной шель,

Кто въ вихрь суеты, забавъ и наслажденій,
Въ порочномъ торжествѣ, какъ Леда, утопалъ,
Кто неба гласъ, среди грѣховныхъ упоеній,
И совѣсть заглушалъ,—